

На правах рукописи

БУЛГУТОВА Ирина Владимировна

**МИФОПОЭТИКА
В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
БУРЯТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ**

Специальность

10.01.02 - литература народов Российской Федерации
(литература народов Северного Кавказа, Калмыкии, Урала, Поволжья,
Карелии, Севера, Сибири и Дальнего Востока)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Улан-Удэ – 2019

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»

Официальные оппоненты

Арзамазов Алексей Андреевич, доктор
филологических наук, ведущий научный
сотрудник Удмуртского института истории,
языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН

Кучукова Зухра Ахметовна, доктор
филологических наук, профессор кафедры
русской и зарубежной литератур ФГБОУ ВО
«Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х. М. Бербекова»

Шаронова Елена Александровна, доктор
филологических наук, доцент, профессор
кафедры русской и зарубежной литературы
Ф Г Б О У « Н а ц и о н а л ь н ы й
и с с л е д о в а т е л ь с к и й М о р д о в с к и й
г о с у д а р с т в е н н ы й у н и в е р с и т е т и м . Н . П .
О г а р ё в а »

Ведущая организация: ФГБУН «Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН»

Защита диссертации состоится «27» ноября 2019 г. в 11 часов на заседании
диссертационного совета Д 002.209.04 на базе ФГБУН «Институт Мировой
литературы имени А.М. Горького» Российской академии наук по адресу:
121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и сайте
Института Мировой литературы имени А. М. Горького РАН и на
официальном сайте института:
<http://imli.ru/index.php/dissertatsionnyj-совет-d-002-209-04-o/dissertatsionnyj-s-ovet-d-002-209-04/3788-mifopoetika-v-kontekste-stanovleniya-i-razvitiya-buryatskoj-literatury-vtoroj-poloviny-khkh-nachala-xxi-vekov>

Автореферат разослан «__» _____ 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Говенько Татьяна Владимировна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Функционирование мифа как источника поэтического в художественном творчестве привлекает внимание исследователей на протяжении всего развития истории и теории литературы. В изучении мифопоэтики наметились различные подходы и стратегии, определяемые, в том числе, контекстом культурно-исторического и литературного развития. Исследование мифологизма оказалось возможными и продуктивными на литературном материале самых разных эпох, начиная от глубокой древности – до современности. Систематизация и обобщение способов художественного освоения мифа способствует выявлению всеобщих начал творчества и закономерностей литературного процесса. Миф, преломляясь в индивидуальном творчестве, фиксирует универсальный опыт человечества. Исследование взаимосвязи мифологии и литературы многоаспектно и определяется как представлениями о генетическом родстве искусства и мифа, так и осознанием закономерностей человеческого мышления в целом.

Мифологические системы разных народов становятся выражением их культурной памяти, которая проявляет себя на бессознательном и сознательном уровнях авторского мировидения. Мифопоэтика в данном диссертационном исследовании рассматривается как важная часть традиций национальной литературы, определяющих ее развитие. Обращение к проблеме мифопоэтики бурятской литературы в значительной мере продиктовано самим художественным материалом, поскольку мифологизм является одной из характерных черт национального художественного мышления.

Актуальность исследования. В изучении бурятской литературы на современном этапе осознана необходимость комплексных исследований традиций, определяющих художественную специфику национальной картины мира. Актуальность изучения мифологизма в бурятской литературе обусловлена сохранностью архаических форм мифосознания, воплотившегося в обрядах и обычаях шаманизма, а также потребностью осознания традиций и перспектив развития бурятской литературы. Как известно, закономерности индивидуального творчества определяются самым языком как способом концептуального осознания. Так, в языковой картине мира – на уровне первичной семиотической системы оказываются закрепленными древнейшие стадии миропонимания. В национальной мифологии получают оформление архетипические образы и специфические коды, претворяющиеся затем в художественной структуре произведения. В осмыслении природы, космоса и социума в традиционной культуре бурят сложилась своя мифологическая модель, которая не могла не реализоваться в художественном творчестве бурятских писателей.

В настоящем диссертационном исследовании предпринята попытка создать концептуальную картину развития бурятской литературы через

призму мифопоэтики. Бурятское литературоведение активно обращается к данной проблеме, начиная с постсоветского периода, когда происходит пересмотр теоретических и методологических установок.

Объект исследования: традиции мифомышления и мифотворчество в произведениях бурятской литературы второй половины XX – начала XXI веков.

Предмет исследования: мифологемы и символы, эпический и лирический сюжет, структура жанра.

Гипотеза исследования: специфика национального художественного мышления определяется реализацией мифопоэтических традиций и мифосознания, что отражается в закономерностях сюжетостроения, жанровых тенденциях, образной системе и мотивной структуре произведений.

Цель: рассмотреть роль мифопоэтики в бурятской литературе в аспекте сюжетостроения, развития жанровых тенденций и специфики художественной образности, отражающих особенности национальной картины мира.

Задачи:

- определить теоретические основы изучения мифопоэтики бурятской литературы;
- выявить художественные закономерности мифологизации истории в сюжете произведений бурятской литературы на примере героических образов национальной истории;
- изучить сюжетобразующую функцию архаических форм мифосознания в эпических жанрах;
- рассмотреть специфику реализации мифомышления в романном жанре;
- выявить особенности художественного осмысления природы и космоса в структуре произведений бурятской поэзии;
- раскрыть роль мифосознания в формировании картины мира в бурятской поэзии;
- охарактеризовать художественные закономерности претворения мифотворчества бурятских поэтов в формировании индивидуально-авторской модели мира;
- определить особенности мифологизма, а также приемы и способы реализации национальных традиций в художественной структуре произведений русскоязычных бурятских писателей и поэтов.

В качестве материала исследования привлекаются произведения, написанные во второй половине XX века (начиная с периода расцвета в 60-80-е годы XX века), а также произведения постсоветского этапа, написанные в 90-е годы XX века и первые два десятилетия XXI века. Выбор периода объясняется достигнутым к этому моменту уровнем определенной художественной зрелости и эстетической ценности самой литературы.

Теоретико-методологическая база исследования.

Методологическую основу работы составили труды отечественных исследователей А. Ф. Лосева, А. Н. Веселовского, М. М. Бахтина, О. М. Фрейденберг, В. Я. Проппа, Е. М. Мелетинского, Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова, Г. Д. Гачева, В. Е. Хализева, В. И. Тюпы, И. В. Силантьева и др.

Важными для работы являются исследования бурятской мифологии в трудах этнографов Т. М. Михайлова, Г. Р. Галдановой, фольклористов А. И. Уланова, Н. О. Шаракшиновой, Л. С. Дампиловой и др.

В бурятском литературоведении проблемы мифопоэтики в рамках изучения взаимодействия литературы и фольклора исследовались в трудах В. Ц. Найдакова, А. Б. Соктоева, С. Ж. Балданова, С. И. Гармаевой, Л. С. Дампиловой, Б. Д. Баяртуева и др. Изучению поэтики посвящены труды Г. О. Туденова, Т. Н. Очировой и др.

Методы исследования. В работе используются основные положения сравнительно-исторического литературоведения, а также структурно-семиотический и герменевтический методы.

Научная новизна работы определена осуществленным в ней анализом и систематизацией значительного корпуса текстов национальной литературы в аспекте выбранной проблемы, что позволило проследить значение мифопоэтических основ и их реализацию в миромоделировании в бурятской литературе. В исследовании также изучена роль индивидуально-авторского творчества в развитии литературного процесса, введены в научный оборот тексты авторов, ранее не находившихся в сфере внимания литературоведения, чье творчество освещалось только в литературно-критических статьях – Ж. Юбухаева, Б. Сыренова, Р. Шоймарданова, Д.-Р. Дамбаева.

Новизна работы отразилась в следующих аспектах:

- в диссертации впервые комплексно рассмотрены сюжеты бурятской литературы, отражающие этапные моменты истории бурятского народа, выявлены закономерности мифологизации образов исторических личностей;
- на материале тотемистических воззрений в охотничьих рассказах определена роль архаических пластов мифологии в сюжетостроении;
- впервые осмыслены идейно-художественные тенденции в развитии бурятской литературы конца XX – начала XXI веков: выявлена реализация «шаманского сюжета» в современном русскоязычном романе и прослежен процесс становления буддийской поэзии в литературе;
- в творчестве бурятских писателей выявлена специфика мифопоэтической модели мира, в основе которой лежит идея единства человека, природы и космоса; рассмотрены закономерности выражения и оформления в художественной структуре произведений культового отношения к природе;

- выявлены восходящие к мифологии и сохраняющие связь с мифосознанием мотивы возвращения, превращения, отражения и мотив *удха* (шаманского происхождения);

- определены эстетические функции мифопоэтики в развитии и становлении бурятской лирики второй половины XX – начала XXI веков;

- рассмотрены особенности национального художественного мышления, определяемые в том числе и мифопоэтическими традициями, в русскоязычной литературе бурят.

Исследование способствует формированию целостной концепции развития бурятской литературы как эстетического явления, определению знакового характера мифологем и символов национальной культуры.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Мифологизация истории и исторических личностей в бурятской литературе происходит по законам мифологического и фольклорного сюжетосложения. Миф определяет высокий героический и трагический модусы художественности в различных жанрах литературы.

2. Мифосознание в бурятской литературе реализуется в определенном комплексе мотивов, среди которых ведущую роль играет мотив возвращения, замыкающий циклическую сюжетную схему.

3. «Шаманский сюжет», сохраняющий прямую связь с обрядом и ритуалом, реализуется в русскоязычном бурятском романе как выражение знаковой системы национальной культуры.

4. Мифологическая идея всеединства определяет реализацию архетипа дома при осмыслении природы и космоса в лирическом сюжете произведений бурятской поэзии, координатами художественного мира в которых является идиллический хронотоп.

5. Мифопоэтическое мышление бурятского народа формирует традиции философской лирики, ее художественную специфику.

6. Символы и мифологемы национальной культуры играют важную роль в создании индивидуально-авторской модели мира, в формировании лирического сюжета и жанровых тенденций. В бурятской лирике прослеживается связь символизации и метафоризации с выражением мифопоэтического сознания.

7. Мифолого-символический код национальной культуры реализуется в лирике русскоязычных бурятских поэтов.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется целостным и системным рассмотрением мифопоэтики в национальной литературе на протяжении нескольких десятилетий ее развития, что позволяет выявить закономерности ее реализации в художественном творчестве.

Устанавливается роль мифопоэтики в формировании и развитии художественного мышления, в создании национальной картины мира. Намечены пути исследования мифологизма в связи со спецификой модели, когда структура поэтического образа определяется на языковом уровне.

Анализ всех текстов произведен на языке оригинала. Подстрочные переводы выполнены автором диссертации.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты и выводы могут быть использованы в изучении литературы народов РФ, при написании учебных пособий по литературе Бурятии с новым концептуальным подходом, в чтении историко-литературных и теоретических курсов в вузовском преподавании.

Апробация результатов осуществлялась в процессе чтения курса «Фольклор и литература Бурятии» в Бурятском государственном университете. Основные положения диссертационного исследования были изложены в докладах на всероссийских и международных научных конференциях в Бурятском государственном университете, на международной научной конференции "Мир фольклора в контексте истории и культуры монгольских народов (к 100-летию проф. Н. О. Шаракшиновой) в Иркутском государственном университете (2015), на всероссийских конференциях «Сюжетология/Сюжетография-3» и «Сюжетология/Сюжетография- 4» в СО РАН в Новосибирске (2016, 2017), на «I Сибирском филологическом форуме» в Красноярске (2016), на международной научной конференции «Русская литература XX-XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения)» в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова (2014, 2016, 2018), на международной научной конференций «Под знаком "НЕО-": ретроспекция в мировой культуре» ИМЛИ имени А. М. Горького РАН (2018). По теме диссертационного исследования опубликовано свыше 50 научных работ, в том числе 2 монографии, 15 статей в рецензируемых научных изданиях.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Диссертация посвящена исследованию закономерностей развития бурятской литературы второй половины XX – начала XXI веков и соответствует паспорту специальности 10.01.02 Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа, Калмыкии, Урала, Поволжья, Карелии, Севера, Сибири и Дальнего Востока).

Структура работы определена логикой решения поставленных задач, работа включает в себя введение, три главы, заключение, список использованной литературы (314 наименований). Общий объем диссертации составляет 388 с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, раскрывается научная новизна работы, определяются объект, предмет исследования, цель и задачи работы, теоретико-методологические принципы, формулируются основные положения, выносимые на защиту, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, приводятся сведения об апробации результатов работы.

В главе I **«Теоретические аспекты исследования мифа в бурятской литературе»** обобщены необходимые для исследования теоретические вопросы.

В параграфе 1.1 **«Литературоведческие подходы в изучении мифопоэтики»** раскрываются различные аспекты в изучении мифа как феномена, исторически сформировавшиеся подходы. Выявляются способы функционирования мифа в литературе, с одной стороны, как определенного типа мышления древнего человека, с другой – как универсальной структуры человеческого мышления, реализующей архетипические образы, заложенные в коллективном бессознательном. В отечественном литературоведении мифопоэтика разрабатывается в связи с категориями сюжета и жанра, образной системы. В данном разделе рассматриваются ставшие основополагающими для исследовательской стратегии диссертации положения, разработанные в трудах А. Ф. Лосева, В. Н. Топорова, О. М. Фрейденберг, Ю. М. Лотмана и др. В русле исследований по мифопоэтике находятся понятия мифологем как мифологических образов, мотивов и сюжетов, архетипов как образов, отражающих структуру коллективного бессознательного, символов как знаков, образующих мифологический код национальной культуры, а также мифотворчества.

В параграфе 1.2 **«Аспекты мифологии в бурятоведении»** раскрывается специфика изучения бурятской мифологии в этнографических, а также фольклористических и литературоведческих исследованиях. Бурятская мифология сохранилась в живом бытовании, в сознании народа благодаря легендам, преданиям, родословным, эпическим памятникам бурятского народа, практике шаманских обрядов и ритуалов, различным жанрам шаманской поэзии и т. д. Известно, что мифология бурят как целостная система раскрывается во многом в исследованиях шаманизма. Фольклористами А. И. Улановым, Н. О. Шаракшиновой устанавливается своеобразие бурятской мифологии в сохранности архаических элементов: образов в эпосе, восходящих к поре матриархата, персонификации природных явлений в божествах, тотемистических воззрений. Выявление специфики образного ряда, семантики этнографических реалий, особенностей пространственно-временной организации, а также определение роли легенд и преданий в структуре

произведений находится в основе изучения мифопоэтики в бурятской литературе в трудах С. И. Гармаевой, Т. Б. Баларьевой, Л. В. Бабкиной, О. А. Забановой. Мифопоэтика в неразрывной связи с фольклором в контексте литератур народов Сибири рассматривается в диссертациях С. Ж. Балданова, С. Д.-Н. Малзуровой.

В параграфе 1.3 «**Специфика мифопоэтических традиций бурятской литературы**» сформулирован и обоснован тезис об устойчивой связи мифа с коллективным сознанием в культуре бурят, прослеживаются элементы родового, генетического мышления на примере устного народного творчества, на материале языковой и художественной картины мира.

Мифологизм мышления, характерный для традиционной культуры бурят, нашел свое отражение в бытовании фольклорных жанров, основанных на представлении о магии слова. Это не только ритуально-обрядовая шаманская поэзия, но и жанры, отражающие сферу практической жизни, такие, например, как *үрээлы* – благопожелания, *«тээгэ»* – песня-заклинание овцы и т. д. Мифологическое осознание мира бурятами находит жанровое воплощение в песнях от лица животных и птиц, специфической жанровой разновидности загадок – *гурбалжан мурнууд* – триадах и *дурбэлжэн мурнууд* – четвериадах, выявляющих общность атрибутивных характеристик различных вещей и явлений во вселенной.

Мифопоэтические традиции реализуются в бурятской литературе советского периода в изображении сложившегося уклада жизни, в художественном осмыслении истории, природы, в этнографических экскурсах и т. д. Они сыграли свою роль в становлении жанра романа. Мифопоэтический пласт является определяющим в охотничьих рассказах и повестях, изображающих тесное сосуществование человека и природы.

В диссертации обосновывается применение понятий «мифосознание», «мифомышление», «мифологизирование», оговаривается их конвенциональный характер, намечается сфера их употребления. С учетом роли символизации в традициях, обрядах и обычаях бурят устанавливается связь мифологии и символики. В работе ставится вопрос о художественной стратегии автора, о сознательном обращении к мифу или же бессознательном восприятии сложившихся в национальной культуре моделей и схем, детерминированных языком творчества.

В главе II «**Миф и эпический сюжет в бурятской литературе**» определяются закономерности функционирования мифа в связи с эпическим сюжетом, исследуется роль эпической традиции, связанной у своих истоков с мифомышлением, в становлении особенностей художественной прозы.

В параграфе 2.1 «**Мифологизация истории в бурятской литературе**» выявляются особенности легендарно-героического осмысления образов исторических личностей Бальжан-хатан, Шэлдэй занги и Шоно батора, живших на рубеже XVI-XVII и в начале XVIII веков, устанавливаются

закономерности их мифологизации. В самом указании на социальный статус в имени героев (*хатан* – госпожа, царица, *занги* – предводитель рода, *батор* – воин) проявляется закон мифологического и фольклорного сюжетосложения, определяющий героизацию образов: «...значимость, выраженная в имени персонажа, и, следовательно, в его метафорической сущности, развертывается в действие, составляющее мотив; герой делает только то, что семантически сам означает»¹.

Трагическая судьба Бальжан-хатан, жившей на рубеже XVI-XVII веков, оставшейся в памяти народа как предводительница племени хори, нашла свое отражение в бурятских летописях. Будучи отданной замуж за сына солонгутского (маньчжуро-корейского) сановника Бубэй Бэйлэ хана Дай-Хун-тайжи вследствие внутрисемейных конфликтов Бальжан-хатан бежала из-под опеки свекра со своими данниками – племенем хори и была жестоко убита по его приказу. Исход хоринцев в ситуации политического противостояния монгольских племен маньчжурам, правившим в Китае в ту эпоху, имел исторические последствия, определив в том числе в дальнейшем и решение о присоединении бурят к Российской империи.

Образ Бальжан-хатан сразу же получил в сознании народа легендарное осмысление. Ее мифологизация воплотилась в мотивах превращения/воскресения в ландшафтных объектах. В названиях местностей – части тела, вещи и предметы, принадлежащие героине: гора Голова Бальжан, местность Тогоото (Котел), Алтан Эмээлтэ (Золотое седло) и т. д. Имя героини осталось в названии озера Бальзино, в предании о молочно-белой воде которого по логике ассоциативной метонимической связи отразились обстоятельства гибели Бальжан хатан: по приказу Бубэй Бэйлэ хана ей отрезали грудь. В работе выявляется роль мотива разрубания в будущей сакрализации образа, когда любое нарушение цельности и целостности глубоко переживается, оставляя отпечаток в коллективном бессознательном. В. Я. Пропп отмечает, что «разрубание, растерзание человеческого тела играет огромную роль в очень многих религиях и мифах»². По мнению исследователя, мотив разрубания в мифологии разных народов обуславливает то, что герой в дальнейшем воскресает в новом качестве и становится предметом культа.

Судьба Бальжан-хатан освещается в «Повести-легенде о Бальжан-хатан» (имеется указание на его запись от учителя Агинской степной думы Зоригтын Жалсарая), драме Д. Эрдынеева «Бальжан-хатан» (первый вариант – 1984, редакция 2005), в романе В. Гармаева «Десятый рабджун» (1991, 1997). Мы поддерживаем мнение Б. Д. Баяртуева о том, что «Повесть-легенду о Бальжан хатан» Зоригтын Жалсарая следует

¹ Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. С. 223.

² Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1986. С. 95.

рассматривать как один из первых памятников дореволюционной литературы бурят. В «Повести-легенде» Зоригтын Жалсарая, изображающей по преимуществу жизнь героини до замужества, происходит своеобразная «перестановка» исторических событий. Так, конфликт между будущими невесткой и свекром отнесен к периоду сватовства, причина гибели героини завуалирована в ряде сюжетных метафор. Требование Бубэй Бэйлэ хана родителям Бальжан во время брачного сговора оказать ему почтение подношением конской головы выполняется, как выясняется позже, принесением в жертву его собственного коня. Закон дубликации событий в эпическом сюжете воплощается в мотиве жертвоприношения. Героиня еще в девичестве «знает» и предвидит свою трагическую судьбу жертвы чужой воли и интересов. Ее просьба к своим родителям не проливать крови живых существ и не готовить на предстоящем свадебном пиру угощения из мяса – это неприятие кровавой жертвы живых существ по закону зеркальной симметрии отражает будущее «разрушение» ее тела, принесение в жертву ее самой. В произведении протест героини против установившихся в брачно-семейной сфере патриархальных отношений основан на отстаивании значимости роли женщины. Создается цельный характер героини, отстаивающей права и убеждения, сформированные в среде своей семьи и рода.

В эпической драме Доржи Эрдынеева (род. в 1936) «Бальжан хатан» (1984, 2005) раскрывается жизнь героини в период замужества, обычай, установившиеся при дворе Бубэй Бэйлэ хана. Автора интересует борьба разных политических сил, судьба данников Бальжан-хатан – племени хори, самоопределение которого происходит перед лицом маньчжурской угрозы. Вводится фигура сказителя-певца, обладающего знанием всего хода событий. Именно здесь прослеживается трансформация эпического сюжета: в драме появляется повествовательное начало. Певец рассказывает обо всем, что находится за рамками сценического действия, звучит мотив пророчества. Образ Бальжан хатан раскрывается путем героизации. Это величественный образ преданной жены своего мужа. В финале звучит предсказание будущего перерождения героини и встречи мужа и жены в следующей жизни. Осмысление гибели героини как воздаяния богам-хранителям жертвы грудным молоком, авторская метафора кос героини, впитавших грехи людей, отражает мифологизацию образа Бальжан хатан в сознании писателя. Происходит переосмысление мифа художником, осознающим свои родовые истоки. Сама героизация образа в эпической драме имеет легендарно-мифологические истоки.

Роман Владимира Гармаева «Десятый рабджун» (1991-1997) состоит из трех частей: «В улусе Алтан-хана», «Бальжин хатун» и «Бабжа-батор». Во второй части трилогии «Бальжин хатун» описывается история замужества героини, кочевка одиннадцати родов хори вслед за своей предводительницей к солонгutam и решение о возвращении и выборе

своего пути. Политическая линия является доминирующей, судьба предводительницы хори-бурят имеет значение в сложном переплетении внутриплеменных отношений. В авторском толковании брак между Бальжан хатан и Дай-Хун тайжи заключается по политическим причинам. Писатель прослеживает, как героиня становится мудрой и преданной помощницей своего мужа. В романе предпринимается попытка демифологизации образа Бальжан хатан. Писатель творит собственный авторский миф, введя мотив подмены героини в момент преследования другими, переодетыми под нее женщинами. В сознании преследователей вновь и вновь «воскресающая» после гибели Бальжан воспринимается как оборотень. Мотив неоднократной гибели героини в следующей части трилогии «Бабжа-батор» проясняется как мнимая гибель.

Мотивы превращения, предвосхищения будущего, предсказания имеют в данном сюжете мифологический характер. Пребыванием в поле вечности объяснимы многочисленные перестановки сюжетных частей в разных произведениях. Перипетии частной, семейно-бытовой жизни Бальжан хатан оказались в центре политического противостояния монгольских племен маньчжурскому гнету, и все обстоятельства ее жизни и гибели способствовали самоопределению бурят. Мифологизация образа героини в народном сознании, а затем и в литературе, таким образом, исторически закономерна.

В основе героизации образа Шэлдэй занги в народном творчестве, а затем и в литературе – его гибель от руки маньчжуров после проведения русско-китайской границы (1727), которая отделила бурят и от монгольского мира. Казнь Шэлдэй занги обозначила поворотный момент истории, что отразилось в высокой трактовке образа Шэлдэй занги в фольклоре. Исторические песни об этом герое имеют звучание трагического плача. Важная часть их композиции – песнь от лица самого героя, который осознает перед лицом неминуемой смерти безысходность ситуации и выражает неосуществленное желание вернуться на родину, домой. В песнях о Шэлдэй занги возникает один из ключевых образов мифосознания – архетип дома как родного дола. История героя отражает не просто отделение человека от родовых истоков, но представляет собой момент «разрушения» мифосознания, так как не состоялось возвращение к истокам, не осуществилась цикличность бытия в новых условиях.

В поэме Николая Дамдинова (1932-1999) «Шэлдэй занги тухай дуун» (Песня о Шэлдэй занги) (1965) создан эпический возвышенный образ героя. У Н. Дамдинова происходит переосмысление исторической ситуации с высоты пройденного времени. Автором воспроизводится переход от кочевого образа жизни к оседлому, не только проводятся границы в пространстве, а определяется этапность в самом течении народной жизни. История Шэлдэй занги раскрывается в рамках традиционного эпического повествования, от лица сказителя-улигершина, который обращается к новому поколению. Подробно раскрываются обстоятельства, вследствие

которых Шэлдэй занги оказался пленен войсками маньчжуров в непосредственной близости от вновь проведенной границы. В поэме Н. Дамдинова происходит переосмысление предания, в котором утверждалось возвращение героя после смерти на родину в особом духовном пространстве. В поэме происходит буквальное «овеществление» метафоры, переносный смысл идеи возвращения героя переводится в план материального бытия: казнь героя происходит у самой кромки вновь установленной границы, и голова героя после отсечения откатывается в родные пределы. Так творится новый миф телесно-материального возвращения героя.

Происходит переосмысление исторических фактов, претворяясь в правду художественную, у которой своя логика, прежде всего логика чувств. Поэма Н. Дамдинова характеризуется героическим пафосом. Именно логика мифа с его тяготением к циклическому времени определяет и в предании, и в народных песнях, и в художественных произведениях мотив неизменного возвращения героя. История Шэлдэй занги вызвала понимание и сочувствие широких народных масс в силу реализации архетипа дома, близкого и понятного каждому. В художественной интерпретации Н. Дамдиновым истории этой личности отразились переходное состояние национального духа, становление границ между традиционным мирозерцанием и новым историческим мышлением.

Переосмысление эпического сюжета происходит в произведениях о Шоно баторе. Образ Шоно батора – исторической личности Лоузанг Шоно (1699-1732), сына джунгарского хана Цэвана Рабдана, предка нескольких бурятских племен, сохранился у бурят в большом эпическом сказании «Шоно баатар», исторических песнях, эпической драме Н. Балдано «Энхэ Булад батор» (1940), стихотворениях Д. Улзытуева (1968) и Б. Сыренова. Мотив будущего возвращения Шоно батора, ставшего жертвой политических происков в Джунгарии – последнем монгольском государстве периода средневековья, сохранился в преданиях многих народов.

Эпический сюжет переосмыслен в соответствии со временем написания в драме Намжила Балдано (1907-1984). Драматическая поэма Н. Г. Балдано близка по своему пафосу и стилю эпической поэме, но диалоговая форма позволила назвать ее драматической. Влияние советской эпохи выявляется в построении конфликта поэмы как классового, для чего драматургом придуман мотив того, что Энхэ-Булад батор неродной сын хана. Имена героев изменены, но при этом в различных эпизодах прослеживается авторская интерпретация мотивов предания. У Н. Балдано происходит осмысление роли героя как борца с деспотизмом, бунтаря против жестокого произвола ханской власти. Финал истории оптимистичен – это победа над внешним врагом, то есть автор значительно отклоняется от легендарной основы, творя уже миф своего времени. Основой же образа

остается идея служения народу, актуальная и для времени социалистического строительства.

Эпический сюжет трансформируется в лирических текстах Д. Улзытуева и Б. Сыренова, где акцент перемещается на эмоциональное осознание ситуации предательства родным братом, на разрушение родового сознания. В стихотворении Д. Улзытуева «Шоно Баатарай дуун» (Песня Шоно батора) герой – выразитель народного сознания. В том, что Шоно батор думает о брате-предателе, обращаясь к нему с мысленным диалогом, признавая святость и крепость родственных уз, пренебрегая нанесенной ему обидой, проявляется широта его души и благородство. Мифологизация образа Шоно батора углубляется нравственной проблематикой. Переосмысление эпического сюжета усматривается в том, что в лирике дается психологическая мотивация поступков героя, отстаивающего ценности родовой жизни.

У истоков легендарного осмысления образов исторических личностей у бурят, таким образом, смерть героя – жертва (Бальжан-хатан), казнь (Шэлдэй занги), трагическая гибель гонимого и отверженного (Шоно батор). Осмысление этих событий происходит на границе своего и чужого миров: Бальжан-хатан вступила в конфликт со свекром, уведя своих данников – племена маньчжурами, будучи схваченным в местах традиционных кочевков, то есть исторически своих местах, Шоно батор, изгнанный из родной семьи, подвергшийся преследованию со стороны отца и брата, погиб на чужбине. Все эти герои были осмыслены как защитники интересов своего народа, и в художественных интерпретациях каждой из этих историй неизменно возникает мотив будущего возвращения героя. Так с помощью мифа в коллективном сознании происходило утверждение ценностей родовой жизни.

В параграфе 2.2 **«Сюжетообразующая функция мифосознания в малых жанрах эпики»** исследуется проявление мифологизма в жанрах рассказов и повестей на примере прозы Балдана Ябжанова (1927-1996). В творчестве писателя воспроизводится народное сознание с сохраняющимся мифомышлением. Сюжетная основа произведений Б. Ябжанова многообразна, повествование часто ведется от лица авторитетного рассказчика. В рассказах об охоте Б. Ябжанова важное место занимают тотемистические воззрения, реализующиеся в идее кровного единства человека и природы. Логика генетического объяснения явлений и событий, присущая мифосознанию, позволяет автору выстроить сюжетную ситуацию «случай на охоте» с объяснением ее истоков и причин, с внутренней мотивировкой как закономерного события. В рассказе «Бар хүсэтэй хурим» (1989) (Медвежья свадьба) дается мифологическое объяснение чудесного спасения охотника Найдана: он сумел уйти живым со «свадьбы» медведей, потому что у медведей тоже есть «память о предках». В художественной философии Б. Ябжанова идея родства

человека и животного мира основана на мысли о единстве одного истока: матери-природы, для которой все являются детьми: и травоядные, и хищные животные – *хангайн уринүүд* – дети Хангая (духа-хозяина тайги), и человек вписан в эти же пределы.

Метафора, данная в названии рассказа «Өөдэнь шэдээн шулуун» (Камень, брошенный вверх) (1989) реализуется в сюжете, в котором замыкается круг: охотник сам, подобно его жертвам, погибает от пули, его гибель осознается не случайной, а становится возмездием за убийства живых существ.

Мифопоэтика сюжета об охоте усматривается в том, что единичный случай, который может быть воспринят как эксцесс, объясняется всеобщими универсальными законами бытия на уровне их бессознательного проявления. В повести «Эхэ шоно» (Мать-волчица) (1984) поступки и поведение волчицы детерминированы на инстинктивном уровне; когда человек убивает всех ее детенышей, она мстит людям. В самом обозначении чувства мести на бурятском языке есть глагол «брать», «возвращать», «взять обратно» – *абаха; үнөөгөө абаха* – «мстить» в значении «восстановить нарушенное равновесие», устранить возникший на энергетическом уровне дисбаланс. Попыткой восполнения, возвращения матерью утраченного потомства становится то, что волчица крадет у людей ребенка. В финале преследуемая людьми волчица «возвращается» к истинной своей природной сущности – матери, пощадив человеческое дитя.

В рассказе «Эхын зүрхэн» (Сердце матери) (1989) мотив возвращения имеет сюжетобразующее значение, своеобразно преломляя все моменты циклической сюжетной схемы. Уход из дома девятиностоемилетней бабушки Долгор, страдающей потерей памяти, показан с точки зрения ее дочери Сэржуньи – это звено «утраты, потери». Затем в повествовании раскрывается сумеречное сознание блуждающей Долгор, возвращение к месту, где прежде находился ее дом. Воскрешение в памяти картин прошлого, воображаемая встреча с погибшими на войне сыновьями и ее смерть соответствуют звеньям «поиска и обретения». Возвращение героини перед смертью в бессознательном состоянии к основанию прежнего дома выражает циклическую закономерность. Сама смерть становится возвращением и обретением изначальных основ, не случайно природа забирает и растворяет в себе героиню. Тут можно увидеть утверждение тождества: мать обретает погибших детей в своей смерти, сама при этом возвращаясь к матери-природе.

Важное значение имеет мотив возвращения в рассказах «Хэрмэш» (1986), «Нулимса» (Слезе) (1986), в которых круговорот жизни и смерти завершается смертью. Только в автобиографической повести писателя «Зол шор хоёрни» (Беды и радости мои) (посмертно изданной в 2003 г.) звучит мотив воскресения к новой жизни.

Отличительной чертой творчества писателя является глубокое постижение закономерностей природной жизни, с которой в авторском сознании неразрывными узами сопряжена жизнь человека. При всем многообразии сюжетов в рассказах и повестях Б. Ябжанова можно проследить закономерности, определяемые мифосознанием, в частности, цикличность их структуры и важную роль мотива возвращения.

В параграфе 2.3 «**Миф и «шаманский сюжет» в структуре современного романа**» рассматривается поэтика современного бурятского русскоязычного романа, выявляется роль мифа в нем. Появление «шаманского сюжета» в современном романе объяснимо потребностью отразить во всей своей полноте самобытность национальной культуры, в которой шаманистские верования выделяются как древний мировоззренческий комплекс и неотъемлемая часть духовной традиции. В бурятской литературе сюжет о шамане реализуется прежде всего в русскоязычном романе. В диссертации рассматривается поэтика мифологизирования в романе А. Гагапова «Тэмуджин» (2010-2018), выявляется роль мифо-ритуального комплекса в сюжетно-композиционной структуре романа В. Гармаева «Копачи. В низовьях родовой реки» (2015), определяется значение мотива *удха* (шаманского происхождения) в романе В. Бараева «Улигер о детстве» (2014).

Для бурятского писателя Алексея Гагапова (род. в 1965 г.) обращение к истории жизни Чингисхана имеет особое значение. Предки Чингисхана по материнской линии – *нагасанар* (праматерь Алан-гоа) относились к племенам, образовавшим впоследствии народ под этнонимом «буряты». Роман А. Гагапова «Тэмуджин» посвящен детским и юношеским годам Чингисхана, его становлению. Основной пласт романа связан с изображением жизни Тэмуджина в ее будничном течении. Большое внимание уделяется раскрытию психологии героя, прослеживается путь его становления. «Шаманский сюжет» – это один из аспектов тематики произведения. Автор утверждает исключительность личности Тэмуджина и идею предопределенности его судьбы, вводя в начале повествования эпизод из «Сокровенного сказания», предрекающий судьбу воителя – рождение будущего хана со сгустком крови в руке. Образ крови – один из сквозных и символических образов романа. Он многопланов и многозначен и толкуется чаще всего в мифопоэтическом контексте, будучи связанным со множеством обрядов и ритуалов.

В мифологии бурятского шаманизма исключительная роль придается наследственности, переходу самого генотипа от поколения к поколению, того, что называется в национальной традиции *уг удха*. Так, в романе отражается древнейший кузнечный культ, культ *дарханов*. Тэмуджин мыслится носителем «сверхкачеств», обусловленных генетически, поскольку он – потомок дарханов. Герой обладает способностью влиять на реальность на бессознательном уровне, силой мысли добиваться исполнения своих желаний (в начале повествования эта способность

названа колдовством). Идея избранности героя, его сверхчеловеческих возможностей реализуется на сюжетном уровне. Так, герой получает знаки свыше в ритуалах, снах; он способен слышать голоса предков. С мотивом внутреннего зрения связано представление об особой энергии мысли, которое можно назвать телепатическим уровнем, когда мысли героя оказываются услышанными другими.

Изображение обрядов и ритуалов помогает автору в воссоздании глубин народной жизни, особенностей мировоззрения и миропонимания. Так, жертвоприношения обозначают самые напряженные, переломные моменты в жизни рода и племени. Мифологические представления раскрываются всезнающим автором с точки зрения обычных людей как явление естественное и привычное, в основе которого – феномен веры. Мифологизирование на уровне сюжетно-композиционной структуры связано с образом шамана Кокэчу, который, подобно Тэмуджину, проходит путь становления и открытия в себе «сверхчеловеческих» возможностей, в частности, умения воздействовать на атмосферные явления. Символические образы традиционной культуры бурят наряду с другими мировоззренческими элементами позволяют автору обосновать собственную концепцию истории и исключительной роли личности в ней. «Шаманский сюжет» становится составной частью создаваемой писателем картины исторических событий, в которой он обосновывает роль личности в контексте национального миропонимания.

В романе Владимира Гармаева (1944-2016) «Копачи. В низовьях родовой реки» (1995) с опорой на традиции бурятской литературы воссоздаются картины жизни эвенкийских родов, в изображении которой мифосознание играет исключительно важную роль. Роман можно назвать «фронтирным» произведением, так как он находится на стыке различных художественных традиций. Это роман об эвенках, написанный бурятским писателем на русском языке. Встреча трех культур создает особое диалогическое поле. Изображение родовой жизни в связи с постановкой национальной проблематики – одна из ключевых и стержневых линий творчества бурятского писателя. В своем заключительном произведении он сумел претворить ее на материале жизни эвенкийского народа. В романе «В низовьях родовой реки» раскрывается уклад традиционной эвенкийской жизни, звучит тревога за судьбу этого автохтонного народа Сибири в условиях меняющегося времени.

Писателем воспроизводится традиционная система пространственно-временных ориентиров эвенков – орочонов, мифологемы реки, тропы и т. д. Образ реки приобретает символическое звучание в контексте сюжетно-композиционной структуры романа: спором из-за верховьев реки начинается история об эвенкийских родах, завершается же идиллически изображаемая родовая жизнь в низовьях реки – месте перехода душ в Нижний мир – *Хэргэ Бугу*. Вся жизнь эвенкийского народа, согласно авторской концепции В. Гармаева, оказывается символически связанной с

рекой. Мировое древо в качестве модели человеческого рода прослеживает движение от корней к ветвям, снизу вверх, в случае же когда такой моделью становится река, прослеживается движение в обратном направлении – сверху вниз (от верховьев к низовью). Автор романа вскрывает уникальность образно-символического ряда, сложившегося в эвенкийской мифологии.

В романе В. Гармаева обряды и обычаи эвенкийского народа являются важной составной частью повествования. Писатель делает попытку воспроизведения национальной жизни с аксиологической точки зрения. Переход от объективной исследовательской позиции наблюдателя к внутренней точке зрения героя-эвенка – носителя традиционной философии позволяет автору раскрыть мифосознание во всей его целостности. Сложность авторской позиции определяется сочетанием рационального, нейтрального отношения к мифу с моментами не критического его восприятия, что обусловлено, на наш взгляд, традицией.

Обряды и ритуалы возвращения «блудного сына» в племя, сватовства, охоты, погребения обозначают сюжетные узлы повествования. Смерть эвенкийского рода от эпидемии оспы в финале показана по логике эсхатологического мифа. Катастрофическими осмысливаются процессы наступления цивилизации на природу, изменения природных ландшафтов, не оставляющие возможности сохранить устоявшийся уклад жизни, что и определяет включение в повествование трагических сцен. Трагизм гибели целого рода воссоздается в мифопоэтическом контексте. Герой Хюркассан в критической ситуации берет на себя функцию шамана, регулирующего взаимоотношения между мирами. Уговоры душ мертвых предстают в его монологе-заклинании. Воспроизведение ритуалов эвенкийского народа в авторской интерпретации – важная часть структуры романа «Копачи. В низовьях родовой реки». Мифологический пласт романа становится основой для постановки автором вопроса о конфликте цивилизации и природы и его возможных катастрофических последствиях.

В диссертации выявляется сложная жанровая и сюжетно-композиционная структура автобиографического романа Владимира Бараева (1933-2018) «Улигер о детстве» (2014). Сквозной линией авторских размышлений является процесс осмысления своего духовного опыта, в котором важную роль играют шаманские верования. Сохраняя информацию о национальных традициях, они способствуют самоидентификации личности. Автор обозначил жанр своего произведения как роман-воспоминание. В нем прослеживаются черты эссеистики, мемуаристики, публицистичность сочетается с художественностью, что делает текст оригинальным образцом автобиографической прозы. В названии романа отражается стремление к художественному обобщению и поэтизации: *улигер* по-бурятски означает «эпическое сказание». В нем звучит установка автора на возвышенно-легендарное осмысление

прошлого, отделенного немалой временной дистанцией от современности. В произведении В. Бараева судьба частного человека раскрывается в сопряжении и переплетении с судьбами множества других людей.

Линия легендарно-мифологического пласта в романе разворачивается с самого начала повествования – с рассказа об истоках рода. Во многих эпизодах романа прослеживаются моменты, которые могут быть восприняты как мистические, особенно в повествовании о снах. Само введение в ткань повествования снов разрыхляет их строгую документальность, вводя в особое пространство духа. «Шаманское» толкование гибели своей младшей сестры в голодные годы войны как заместительной жертвы духам ради спасения других детей семьи, способность слышать в минуты опасности особое жужжание-предупреждение, соблюдение ритуала воздаяния духам и многие другие эпизоды образуют мифологический пласт романа.

Шаманская мифология, будучи основой для мифотворчества автора, занимает важное место в становлении художественной структуры романа, позволяя проводить параллели, создавая символические образы, пронизывающие все повествование. Мотив *удха* (шаманского происхождения) автора-героя становится ключевым. Понимание своего генотипа – шаманского *удха* проявилось у писателя в «Улигере о детстве» не только в качестве темы рода и родового в человеке, но и в составлении своей родословной в знак почитания предков.

Таким образом, «шаманский сюжет» получает свое претворение в структуре современного русскоязычного романа бурят в творчестве писателей-билингвов, становясь выражением национальной картины мира, традиционных мировоззренческих основ, мифологии бурят.

В главе III **«Мифопоэтические традиции бурятской поэзии»** мифопоэтика рассматривается как важный фактор становления философской лирики в бурятской литературе.

В параграфе 3.1 **«Архетипические образы и мифологические мотивы в идиллическом хронотопе бурятской поэзии»** раскрывается философская идея единства человека, природы и космоса в творчестве бурятских лириков Д. Улзытуева, Л. Тапхаева, Ж. Юбухаева, Б. Сыренова.

Применение понятия «идиллический хронотоп» к бурятской поэзии обосновывается присутствием бурятской традиции представлениям об особой связи человека с родиной, что закреплялось в ритуале – закапывании последа (плаценты) в земле после рождения. *Тоонто* – символическое обозначение особо близкой, телесной, «пуповинной» связи человека с родной землей и предками. Философские представления о слитности человека с миром природы и космосом как естественной гармонии жизни, о единственности биологических ритмов формируются в бурятской поэзии с опорой на мифопоэтические традиции.

У истоков бурятской философской лирики находится творчество Дондока Улзытуева (1936-1972). Мифопоэтические истоки лирики Д.

Улзытуева выявляются в мотивах творения (рождения), творчества как открытия мира, циклической смене архетипов дома и пути, могиве вечного возвращения. Гармонический взгляд на мир, предстающий в лирике Д. Улзытуева, основан на идее единства, логике сопряжения явлений разного ряда и плана, что прослеживается в мотивах растворения и превращения, взаимоперехода и всеобщей связи. Поэт осмысливает явления человеческой жизни, природного и космического начал в контексте вечного круговорота. Временные пласты настоящего и будущего осмысливаются в генетической связи с предшествующим.

Так, миф творения отражается в стихотворениях поэта, раскрывающих рождение человека, растения, живых существ, планеты как чудо. Начало календарного цикла – нового года по лунному календарю получает у поэта обрядово-ритуальное осмысление в стихотворении «Сагаан харын мэндэ» (Приветствие Белого месяца), сохраняющем в своей основе традиционное воздаяние силам природы, что выражается в рефрене между строфами «Мэндэ-э!». Сквозной образ этого стихотворения Д. Улзытуева – образ растительности, предстающей в каждой строфе в одной из форм бытования: во второй строфе – это образ травы, проклонувшейся из-под снега, в третьей – воображаемый образ подснежника, растущего у подножья гор, в четвертой – чарки, настоящей на сорока травах, в пятой – образ колосющейся пшеницы, и в заключительной шестой – образ возжигаемой травы ая ганги. «Анха урдынгаа нангин ёно дэбжүүлэе. / Адха адхаар ая гангаяа суглуулая. / Айл айлаар арюун хангалын тунаг лэ / Ажабайдалай хүлдэ түхөөн шатаг лэ!»³ (Продолжим наши древние священные обычаи. / Горстями соберем ая гангу. / Пусть по всем домам разносится ее чудесный запах, / Пусть возгорается и дым возносится обликом сулдэ!). Традиционный ритуал очищения пространства возжиганием травы приобретает у Д. Улзытуева смысл материализации духовного начала. *Хүлдэ* – это дух, жизненная мощь, тонкий уровень энергии, который обретает «плотность» в дыме, возжигаемом богам.

В контексте архетипа дома создается образ степи как идиллического пространства. Традиции кочевнического уклада жизни определяют в творчестве Улзытуева особенности самого взгляда, в частности способность к гармоническому слиянию с окружающим растительным и животным миром: так возникает идиллическое ощущение уюта и красоты земной жизни. Символом бурятских степей стал улзытуевский образ *ая ганги* (чабреца). Не случайно это ольфакторный образ, в основе которого запах; такие каналы, как обоняние, осязание, слух сформированы первичными в восприятии кочевников.

Идиллическим хронотопом определяется в творчестве Д. Улзытуева осознание себя прежде всего как певца – *дуушан*, человека, призванного

³ Улзытуев Д. А. Сагаан харын мэндэ // Буряад үнэн. 1989. Февралин 4. С. 8.

воспевать, петь хвалу, выражать полноту ощущения жизни и гармонию. Такое осознание поэтического призвания – выражение того, что было оформлено в национальной традиции как культ природы, духов и хозяев местности, это отражение сакрализации, присущей мифосознанию. В стихотворении «Тээгэ» мать предсказывает своему сыну судьбу певца, так как ему удастся словами песни *тээгэ* «уговорить» овцу принять отвергаемого ею новорожденного ягненка. Это сфера энергоинформационного воздействия слова на уровни бессознательного, на инстинкты. Певец в традиционной культуре понимается как человек, энергия души и голос которого способны преодолеть границы между различными уровнями жизни.

В лирике Д. Улзытуева расширение границ привычного пространства происходит как смена архетипов дома и пути. В процессе открытия мира прослеживается определенная цикличность, свойственная мифомышлению. Проекция пути из дома в лирике Д. Улзытуева никогда не дается сама по себе, она всегда связана с обратной проекцией пути домой. Ощущение слитности с родным краем, неразрывной связи с ним выразилось в мотиве возвращения, приобретающем философское звучание.

Идея всеобщей связи во Вселенной реализуется в творчестве Д. Улзытуева в мотивах растворения, будь то физический процесс плавления материально плотных вещей или же растворение человеческой души в природном мире. В стихотворении «Холбоон» (Связь) раскрывается философская мысль о всеединстве, о том, что весь мир пронизан незримыми связями, имеющими один исток, одно происхождение.

Преодоление в поэтическом сознании мифологической оппозиции «свой-чужой» происходит в лирике Д. Улзытуева по логике сопрягающего мышления, в узнавании и открытии в чужом мире своего, родного. Так, на берегу Балтики поэт с удивлением видит и узнает в прибрежной траве *ая гангу* (чабрец), на могиле Канта в Калининграде вспоминает место погребения своего предка Улзытэ, жившего в одну эпоху с великим немецким философом. Так устанавливается общность разных явлений, человеческих судеб, картины быта выводят к осознанию бытия, установлению вечных законов жизни. Именно благодаря сопряжению разных рядов на жизненном пути поэта пространство всего мира может стать своим и родным, идиллическим. В стихотворении «Арбан юнэн наһандаа эхэ нютагаһаан гаража...» (Когда я в девятнадцать лет уехал с родины...) лирический герой осознает свое предназначение, когда в чужом огромном городе, увидев в небе созвездие *Долоон Үбгэд* (Семь Старцев), начинает тосковать по родине. Созвездие Семерых Старцев (Большой Медведицы) по метонимической логике ощущается своим, родным, он видел его, находясь еще в пределах родного дола, это элемент своей, привычной картины мира. Так, в сознании поэта включается код национального языка и культуры, понимание происходит в более широком

контексте, человеческая жизнь осмысливается вписанной в круг космической.

Поиск и установление гармонии разворачивается у Д. Улзытуева в космических масштабах, особое значение в его творчестве получает тема космоса как истока жизни на земле, как пространства пребывания души после смерти, в чем также реализуется мотив вечного возвращения. Мысль о том, что жизнь на земле имеет единые, космические истоки, органично входит в художественную философию автора. Именно в пределы космоса вмещаются жизнь и судьба человека, который, покидая земную юдолю, устремляется в бездну небосвода, став тенью, пылью, эхом, резонансом, потоком лучей. Космос в поэзии Д. Улзытуева – это исток планетарной жизни в целом, это же и есть пространство за границей физической смерти. Поэт, осмысливая законы вселенной и человеческой жизни, утверждает силу человеческого духа, силу мысли, пребывание человека в вечности, материальность его мысли. В творчестве Д. Улзытуева происходит становление бурятской философской лирики, во многом определившее ее дальнейшее развитие.

В лирике Лопсона Тапхаева (1940-2007) идея всеединства мира последовательно реализуется в принципе антропоморфизма, в уподоблении и отождествлении природы как макрокосма человеку как микрокосму. «Мир как большой Человек – это представление одно из самых распространенных мифологем человечества во все времена»⁴. Мифологическое представление о взаимосвязи человека и космоса, человека и природы как тождества в бурятской поэзии реализуется в уподоблении природного ландшафта человеческому телу. Персонификация становится основой метафоризации. Образ человеческого тела помогает выразить идею цельности и целостности природного мира, ее разумного и совершенного устройства. Это и «плечи скал», напоминающие о дружбе юных лет, это и «грудь земли», на которой раскинулась великая степь, «степь ладоною» и т. д.

Идея изоморфизма человека и планетарного устройства проводится и раскрывается Л. Тапхаевым в стихотворении «Гүзээн нуур» (Озеро Сычуг), в котором создается символический смысл планеты как живого организма благодаря самой последовательности проводимого ряда: озеро – нутро (в буквальном смысле по названию – брюшина, рубец), а глубинные потоки под землей, связывающие его с другим озером – это пуповина. Философское обобщение поэта выражается в мысли о своей глубинной «пуповинной» связи с народом, подобно подземной связи двух озер. Метафорическое название озера в народе становится основой для раскрытия символических значений. Символизация в целом свойственна национальной традиции художественного мышления, в которой план

⁴ Флоренский П. А. У водоразделов мысли. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1991. С. 172.

материально-плотного, физиологического бытования предметов и вещей подчеркнут на языковом уровне. На основе тесного сближения различных явлений окружающей действительности (метафоризации) происходит последующее отталкивание от материального мира, замкнутого в том числе и в рамках телесности, к миру духовному, безграничному, это движение мысли и есть символизация.

Так, символический смысл возникает при постижении мира природы в стихотворении Л. Тапхаева «Хабсагайн ээм» (Плечи скал), когда созерцание гладких, обкатанных волной, речных камней заставляет лирического героя осознать все испытания будущей судьбы, которые так же способны «обкатать» человека. Созерцание же скал, прижатых друг к другу, воскрешает в сознании образ человеческой дружбы. «*Залгаа хабсагайн ээм шэртэхэдэм, / Залуугайм нүхэсэл һанагдана*»⁵. (Когда я вижу плечи скал, мне вспоминается дружба прежних лет). Здесь наблюдается реализация двух вариантов метафоризации: перенос признаков внешнего мира на человека (человек подобно камню, может быть «обкатанным») и перенос признаков человека на ландшафт земли (плечи скал). Символический смысл состоит в утверждении непреходящей ценности человеческой дружбы, которая способна пройти испытание временем. Таким образом, ландшафт земной поверхности через призму авторского видения обретает символическую многозначность образного ряда.

Мифопоэтическая модель мира воплощается на различных уровнях, так происходит сближение человеческой и космической жизни, антропоморфизация космоса, который начинает мыслиться как мир, тождественный человеческому по ритмам и закономерностям. В стихотворении Л. Тапхаева «Одо мүшэды шүрэ болгон үлхэжэ һаатаха...» (Бусинками звезды нанизывать, играть...) макромир космоса раскрывается, будучи спроецированным внутрь микромира человека как малая модель, подобно игрушке в руках ребенка. Сам уровень сопоставлений космических явлений с предметами обихода и быта (бусинкой, шелком) характеризует мифопоэтическую основу мышления.

Идея изоморфизма, сходства большого и малого в бурятской философской лирике нашла художественное отражение в тяготении к жанру краткостиший, в основе модели которых сохраняется концентрическая структура, циклическая стратегия «ощельнения», предполагающая возврат к исходной точке мысли с новым осознанием. В краткостиших фиксируется миг, в котором вся полнота переживания передается за счет подключения подтекста. В данном параграфе диссертации подробно анализируется структура краткостиший Л. Тапхаева, Б. Сыренова выявляется их философский смысл, мифопоэтические истоки жанра.

⁵ Тапхаев Л. Д. Гол харгы: поэмэ, шүлэгүүд. Улаан-Үдэ: Бурядай номой хэблэл, 1984. С. 66.

Культ предков, восходящий к верованиям шаманизма, находит свое отражение в поэме Л. Тапхаева «Угай бэшэг» (Родословная). В авторском подходе к теме сочетается научное осмысление исторических фактов, выдвижение различных гипотез этногенеза и эмоционально-образное воссоздание различных исторических эпох. При попытке систематизации огромного и разнородного материала исследований объединяющим их стержнем становятся культовые образы мифологических небесных предков бурят Буха-ноёна-баабай и праматери Лебедицы.

Культовое отношение к миру природы воплотилось в творчестве поэта Жоржа Юбухаева (1950-2015). Придя в литературу в 80-е годы XX века, он продолжил традиции бурятской философской лирики. Вдумчивый и пристальный взгляд художника, устремленный в глубины народной и природной жизни, выявляет их органическую взаимосвязь. Ж. Юбухаев сумел выразить в своем творчестве культово-ритуальный пласт народного мировоззрения, органичный синтез традиционного культа духов природы и буддийских представлений и взглядов. В стихотворениях поэта можно выделить элементы призывания духам, хозяевам природы, местности, молитвы, находят свое отражение мифологические запреты, которые концептуально оформлены в языке. В поэзии Ж. Юбухаева зримо предстает будничная, обыкновенная деревенская жизнь в ее неспешном течении, быт и земные реалии, с одной стороны; с другой, слышится и ощущается в его поэзии незыблемая вера человека и ощущение своей связи с вечностью. В системе ценностей, выраженной в лирике Ж. Юбухаева, важное место занимает ощущение своей неразрывной духовной связи с предками, с их исконным кочевничьим бытом. Так, в стихотворении «Зуһаландаа» (На летнике) создается образ юрты-восьмистенки как олицетворение идиллии. Стихотворение пронизано символикой, исконно присущей национальной культуре: это и восемь стен как память о войлочной юрте – модели универсума у кочевников, и образ белой пищи как самой почетной и ценной, и ласточка, нашедшая приют в человеческом жилище, ставшая приметой неразрывной связи человека с окружающим миром.

В воссоздании национальной картины мира в творчестве самобытного поэта Бориса Сыренова (1943-1983) существенную роль сыграла мифопоэтика. Ее роль в создании эстетического прослеживается и выявляется в способах и принципах художественной организации произведений Б. Сыренова, прежде всего в метафоризации. По мнению критика, «метафора в поэтической палитре Б. Сыренова – тончайший словесно-образный инструмент. Метафоричность мышления как бы заземляется пластичностью видения и обязательной достоверностью ощущений»⁶. Поэт, создавая метафорические образы небесных светил –

⁶ Очирова Т. Н. Постоянство или цена устойчивости и бунта // Земли моей молодые голоса. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1981. С. 51.

солнца, луны, звезд, не просто уподобляет, сопоставляет явления человеческой и космической жизни, он их предельно сближает и отождествляет, для чего выстраивается определенный контекст знаков, перекликающихся между собой.

Идиллический хронотоп бурятской поэзии существенно обогащается сыреновским образом космоса как дома, зеркально отражающегося в метафоре родины как звезды, так, в стихотворении «Одо мүшэн» («Звезда») исходной метафорой является *огторгойн тогоон* – котел небосвода. «*Огторгойн тогоон соо / Олон түмэн одод, / Бусалжа байһан / Алтан хартаабхад шэнги, / Арюухан уурал / Гэбин-гэбин байнад*»⁷. (В котле небосвода / Тысячи звезд / Мягким светом веют и веют, / Будто кипит в нем / Золотых картошечек россыпь). Моделью большого космического мира здесь становится домашний образ, купол неба оказывается перевернутым в малой его модели – кипящем котле. Подобно этому в лирической теме поиска своей звезды происходит ее обнаружение в образе малой родины – Тунки.

Для Б. Сыренова принципиальным становится выражение своего лирического мироощущения: состояния влюбленности, чувства восхищения и открытия красоты окружающего мира подтекстом при изображении внешнего мира. Лирический сюжет многих произведений Б. Сыренова строится на постижении явлений внешнего мира, пристальном взглядывании и созерцании окружающего, что соответствует принципам восточной поэтики в целом и складу национального характера, для которого не свойственно открытое и непосредственное раскрытие внутреннего мира чувств, проговаривание их. В основе художественной логики в творчестве Б. Сыренова концентрическая или же циклическая стратегия «оцельнения», которая выявляется в художественной организации как произведений, так и отдельных элементов. Саму же структуру можно сравнить с устройством морской раковины, в центре которой – непроговариваемые и «непроговоренные» поэтом чувства, остающиеся в подтексте, на которые лишь дано указание.

Так, в лирике поэта метафора выполняет функцию «сворачивания» информации, ее концентрации, в развитии лирической темы многих произведений выявляется момент «переворачивания», своеобразного поворота к центру с выходом-скачком на новый уровень. Изоморфизм, присущий мифопоэтическому сознанию, устанавливая тождественность большого и малого, определяет внимание бурятских поэтов к малой художественной форме с его концентрической структурой. В краткостициях Б. Сыренова постигается «вспышкой» сознания время, причем «единицей» счета становится лирическое чувство автора, пронизывающее разные уровни и планы бытия. Мифологизм в поэзии Б.

⁷ Сыренов Б. Б. Тэнгэрийн мандал: шүлэгүүд, поэмэ. Улаан-Үдэ: Бурядай номой хэблэл, 1983. С. 22.

Сыренова прослеживается как на идейно-тематическом уровне, в мотивах и образах, так и на уровне художественной структуры, структуры жанра в том числе. Философичность взгляда на мир художника воплощается и в самих принципах восточной поэтики.

Исследование лирики Д. Улзытуева, Л. Тапхаева, Ж. Юбухаева, Б. Сыренова выявляет важную роль мифопоэтических традиций бурятского народа в формировании художественной системы образов и мотивов. Можно обозначить как тенденцию то, что в художественной символике и принципах символизации у бурятских поэтов прослеживается опора на опыт национальной культуры; в самом процессе метафоризации отражаются в большей степени индивидуально-творческие искания поэтов.

В параграфе 3.2 **«Лирический мотивный комплекс в бурятской поэзии рубежа XX-XXI веков: взаимодействие мифологии и религии»** раскрываются основные мотивы творчества поэтов Г. Раднаевой, Р. Шоймарданова, Д.-Р. Дамбаева.

В творчестве бурятской поэтессы Галины Раднаевой (Санджэ-Сурун) (род. в 1949 г.) мифосознание является организующим началом. Обращение к традициям у Г. Раднаевой всегда происходит как их творческое переосмысление в новых условиях. Это всегда личностное восприятие и толкование архетипических и мифологических образов национальной культуры, приобретающих философско-символическое звучание. Так, культ праматери Лебедицы осознается через призму творческого начала личности поэтессы, мыслится источником вдохновения. В поэме Г. Раднаевой «Хун шубуун» (Лебедь) образ небесного первопредка находится в центре лирического повествования, внешне оформленного как своеобразный диалог Автора и Лебеди. Образ Лебеди оформлен объектно, в то же время, звуча как голос, становится выражением внутреннего мира автора, как неотъемлемая частица души и крови. Так возникает символический образ, осуществляющий связь внешнего, материально выраженного и внутреннего, идеального планов.

Тема поэтического призвания занимает особое место в творчестве поэтессы. Мифотворчество Г. Раднаевой проявляется в создании нового контекста привычных образов через четко обозначенную призму субъективного восприятия. Так, образ духа-хозяина тайги Хангая появляется в символическом изображении души поэта как леса, а сам творческий процесс толкуется как охота. Авторской является поэтическая концепция природного мира, уподобляемого произведению искусства. Противопоставление природы и культуры, присущее европейскому взгляду на мир, устраняется пониманием природы и природных явлений как результата творческого акта.

Мифологемы помогают автору выстраивать свою символическую картину мира, к которой выводят эмоциональное восприятие образов и размышления. Субъективность осознания поэтессой мифологического наследия своего народа проявляется и в создании образного ряда,

присущего именно женскому восприятию мира – персонификация в лирике Г. Раднаевой имеет гендерный отпечаток. «*Эхэнэр хүнэй табисуур сахижжа, / Уран дуунайнгаа үдые дэбдээд, / Үлгы гүүлэһэн дэлхэйгээ ишгэжэ / Эхын альгандал зөөлэн болгоод, / нарбажа байгаа сагаан үүлые / Ная угаалгаһан мансытай сасуулааб. / Харгама урин энэ нарые / нарайгаа хуурайлһан эхэтэй жэшиээб*»⁸ (Женское предназначенье оберегая, / расстелив перьями мои песни, / Землю, ставшую колыбелью, / Сделав мягкой, как материнская ладонь, / Белые облака я сравниваю / С постиранными пеленками, / Яркое и ласковое солнце сравниваю с матерью, / перепеленавшей ребенка). В символической модели мира, создаваемой Г. Раднаевой, ключом к его постижению становится метафора, которая, соотнося различные явления реального мира, подготавливает восприятие символической сущности вещей и явлений, когда происходит отсылка явлений реального мира к их идеальному плану.

В лирике Г. Раднаевой мифопоэтическая модель становится основой для выражения религиозных, а именно буддийских воззрений автора. К буддийской концепции мира отсылают образы снов в стихотворениях поэтессы. В поэзии Г. Раднаевой сон – пограничье между реальным и идеальным мирами, в толковании его автором прослеживается направление от жизни к смерти и, наоборот, от смерти к жизни. В первом случае выделяется логика мифопоэтического мышления в завершении жизненного цикла, во втором – буддийская концепция иллюзорности бытия в мотиве жизни как сна. Сон, сновидение становится формой выражения напряженной рефлексии поэта, старающегося определить смысл жизни и творчества. Сон становится формой постижения иной реальности, не доступной для эмпирического наблюдения, способом философского осознания закономерностей жизни в результате рефлексии, углубления в собственный внутренний мир.

Мифотворчество Г. Раднаевой представляет еще одну грань бурятской философской лирики, когда текст национальной культуры получает преломление через призму авторского мировидения. Мифологемы, оформившиеся в национальной культуре, осмысливаются Г. Раднаевой в контексте времени.

Преемственность в развитии бурятской поэзии вплоть до начала XXI века прослеживается в творчестве Рахмета Шоймарданова (1961–2004), в жанровых исканиях которого намечается синтез различных художественных традиций. Созерцательно-медитативное начало, выражающееся в концентрации поэтического взгляда, в ключевой метафоре, организующей структуру стихотворения, в поэтике подтекста совмещается с тенденцией к развернутому размышлению, углубленному самоанализу и рефлексии. С тяготением к малой лирической форме в

⁸ Санджэ-Сурун (Галина Раднаева) Үе наһамни – зэрэлгээтэ байдални – Мои года – миражи моей жизни: Уянгата шүлэгүүд I боти. Улаан-Үдэ: «Новапринт» түб, 2016. С. 148.

первом сборнике «Хүгжэмэй эхин» (Начало музыки) (1990) сочетается выстраивание тематических циклов во втором сборнике «Шэлэгдэмэл үдэшэнүүд» (Избранные вечера) (2004). В лирике Р. Шоймарданова мифосознание проявляется на образно-тематическом уровне как обращение к универсалиям человеческого бытия. В мотиве первотворения, в образах первостихий и первоэлементов определяется мифологическая проблематика как размышление над истоками всего сущего. Цикл «Сэдьхэлэй зурхай» (Астрология судьбы) включает восемь стихотворений: «Гал» (Огонь), «Модон» (Дерево), «Шорой» (Земля), «Түмэр» (Железо), «Уһан» (Вода), «Огторгой» (Небо), «Уула» (Гора), «Агаар» (Воздух). Это образцы философской лирики, в которых поэт раскрывает первостихии и первоэлементы как вечные основы бытия. Символическая образность возникает при зеркальном сопряжении материального и идеального плана. Так, клуб дыма, идущий от родного очага, уподобляется разрастающемуся дереву, всеобъемлющее сознание поэта символически осмысливает истоком и корнем всех деревьев собственное сердце. В основе авторской метафоры мифологема мирового древа. Корням и сучьям деревьев уподобляются женские руки, растапливающие огонь в очаге изо дня в день. «Модон үлгьһөө – / модон хуурсаг руу.../ Мүхэрээн дэлхэйн / мунхэ табилан...»⁹. (Из деревянной колыбели - / в деревянный ящик. / Круглой земли / вечное предопределение...). Поэт создает свою онтологию, обращаясь к первостихиям.

Произведение «Элһэн эрхи» (Песчаные четки) Р. Шоймарданова, новаторское по форме и содержанию авторское размышление и осознание буддийской концепции человеческой жизни, можно назвать философской поэмой. Песчаные четки – символическая метафора бренности бытия, восходящая к буддийской традиции, в которой из песка выстраивают мандалы, а затем разрушают. Образ четок непосредственно связан с процессом молитвы во всех культурах. Каждый момент перебирания четок символически обозначен в произведении строфой: начинается поэма с одностишия, затем следует двустиишие, трехстишие, четверостишие и так далее вплоть до строфы из 26-строк. Образ четок задает в начале идею вечного круга и возвращения как *гороо* – хождения посолонь вокруг *дацана* (буддийского храма). Эта мысль обозначается на строфическом уровне, в конце и начале строф – одни и те же строки, в этом повторе – прокручивание бусины на четках.

Буддийский образ *сансары* тоже становится ключевым в размышлениях поэта, в его переживании и осознании страдания земного пути. Символом жизни человека становится также образ *зула* - лампы: «*Наһанайи зулын*

⁹ Шоймарданов Р. Ш. Шэлэгдэмэл үдэшэнүүд: шүлэгүүд. Улаан-Үдэ: Буряадай номой хэблэл, 2004. С. 9.

дэгдээн галай үзүүртэ – / нарата дэлхэйн, одото сансарай амин»¹⁰. (В лампаде жизни твоей кончик пламени раздувает – / дыхание солнечной земли, звездной сансары). Поэт ощущает сострадание ко всем жившим и живущим, так глубока мера и его земного страдания. Поэтическое творчество осмысливается в этом произведении через образы слов и письмен в космическом масштабе: «Тэнгэриин Зүйдэл магад болоод, дээрэшини толорно / түмэн адуудай гээжэрхийэн шэжэр мунгэн таханууд – түүхын эхиндэ бэшэгдээн балай таамаг үзэгүүд»¹¹. (Возможно, став Млечным Путем, сияют надо тобой / потерянные тысячью коней серебряные подковы - / написанные в начале истории таинственные буквы). Эта философская поэма Р. Шоймарданова перекликается с мотивами творчества Д. Улзытуева, где осознание жизни и смерти человека происходит в связи с космосом, в космических масштабах. Творчество Р. Шоймарданова продолжает и развивает на новом историческом этапе традиции бурятской философской лирики, углубляя и дополняя ее. Образцы пейзажной и любовной лирики поэта показывают тягу к рефлексии, философскому обобщению своего духовного опыта.

Заметным явлением в бурятской литературе начала XXI века становится лирика буддийского поэта Даша-Рабдана Дамбаева (1948-2019), в которой через призму буддийских понятий, символов и мотивов кармы, перерождения, сострадания раскрывается религиозно-философское осознание человеческой жизни и судьбы. Буддийские образы и мотивы помогают раскрыть национальную картину мира во всей полноте. В тексты лирических произведений бурятской поэзии постсоветского периода стали включаться элементы молитвы, обращения к буддийским божествам, отражаются буддийские обряды и ритуалы как важная часть национальной жизни.

Тема постижения буддийского учения как духовного пути человека проходит через все поэтическое творчество Д.-Р. Дамбаева, обуславливая специфику авторского взгляда на мир. В лирике поэта нашли отражение многие образы и символы, сформированные в религиозной традиции: Учителя, лотоса, сансары, бодхичитты, они выражают целый комплекс религиозно-философских этических представлений. Так, *сансара* – бесконечный круг перерождений, полный страданий, осмысливается поэтом в метафорах коновязи, веретена, колеса.

Философское осознание бытия Д.-Р. Дамбаевым воплотилось в различных жанрах, им создана поэма «Сансарын гурбан гай» (Три злосчастья сансары), лирические стихотворения с философскими размышлениями, молитвами, посвящениями, поэт также обращается к краткостишьям. В лирике Д.-Р. Дамбаева звучит мотив пути, на котором

¹⁰ Там же. С. 31.

¹¹ Там же. С. 31.

буддийская вера помогает совершенствоваться человеческой душе, сложный комплекс нравственно-этических представлений определяет своеобразие авторской модели. Авторское начало проявляется в создании своего «персонального мифа», в стихотворении «Внученька» поэт дает свое толкование мотива перерождения в последующих поколениях своего же рода.

Таким образом, в бурятской лирике конца XX – начала XXI века буддийская тема начинает звучать открыто, образуя целый пласт бурятской национальной культуры, определяющий ее художественную специфику. Лирический мотивный комплекс в творчестве поэтов рубежа веков существенно обогащается буддийскими мотивами кармы, перерождения, сострадания. В творчестве бурятских поэтов рубежа XX-XXI веков Г. Раднаевой, Р. Шоймарданова, Д.-Р. Дамбаева прослеживаются как мифопоэтические традиции бурятской литературы, так и индивидуальные духовные поиски, связанные с освоением буддийской философии.

В параграфе 3.3 **«Мифолого-символический код национальной культуры в русскоязычной поэзии бурят»** рассматривается творчество русскоязычных поэтов-билингвов Н. Нимбуева и Б. Дугарова в контексте традиций бурятской поэзии. В творчестве Намжила Нимбуева (1948 –1971) особенности национального художественного мышления прослеживаются не только на тематическом уровне, но и на уровне поэтики. Стихотворения рано ушедшего из жизни поэта отразили юношеское мироощущение, отличающееся остротой и свежестью восприятия мира. Творчество поэта, оформленное на стыке двух национальных традиций, передает ощущение пограничья: пространственного, временного, культурного.

В плане пространственном в поэзии Н. Нимбуева происходит освоение оппозиции деревни и города (природы и цивилизации) во многом в переосмыслении традиции, в которой идиллический хронотоп связан с природным миром, со степью. В плане временном поэт остро ощущает разрыв между прошлым, традиционным укладом жизни своего народа и современностью научно-технической эпохи. В сфере же культуры переходность осмыслена поэтом как синтез различных традиций, что отчетливо прослеживается в музыкальных образах его лирики, когда поэт заявляет: «Я вселенского джаза дитя»¹².

Лирической темой поэзии Н. Нимбуева становится боль утраты традиционных ценностей духовной жизни народа. Лирический герой Н. Нимбуева все время осуществляет стяжение различных явлений воедино, проводит связь времен, культур, народов (стихотворение «Телепатия»), и в этом, на наш взгляд, проявляется определяемая на мифопоэтическом уровне философская мысль о единстве мира, цельности человеческого бытия. Преодоление границ прослеживается в мифологических мотивах

¹² Нимбуев Н. Ш. Стреноженные молнии. Стихи. Переводы. Проза. Нимбуев. – М.: Галерея «Ханхалаев», 2003. – С. 68

растворения человека в мире природы, превращения, отражения, которые подробно рассмотрены в работе. Эстетический потенциал метафоры в творчестве Н. Нимбуева определяется реализацией мифопоэтики. В качестве примера можно рассмотреть образец любовной лирики поэта: «Чувства мои – / ненадежное облако снега / на горной вершине. / Ступай осторожно, / Скользкой тропой идущая девушка, / И не нарушь громкой песней / Тишину моих гор»¹³. Здесь лирическое «я» и «гора» нераздельны, горная тропа – путь к сердцу лирического героя, «тишина моих гор» есть «тишина моей души». Образ «лавины любви» – громады и силы юношеского чувства остается в подтексте, нигде не проговаривается и не выражается поэтом, дана лишь система знаков и намеков, через которую проявляется сдержанная эмоция, что соответствует художественным принципам бурятской поэзии.

Оформлению на русском языке поэтики недоговоренности, подтекста, краткости, восходящей к бурятской художественной традиции, способствует обращение поэта к свободному стиху – верлибру. Верлибр в русскоязычной поэзии бурят помогает осваивать зону культурных контактов, сферу межкультурной коммуникации, отвечая запросам динамично меняющегося времени. В художественных поисках Н. Нимбуева, стремившегося выразить на русском языке «национальное лицо, душу своего народа»¹⁴, закономерно обращение к краткости, также написанным свободным стихом. Краткостиция имеют циклическую структуру в развитии темы, финал возвращает к началу и требует его осмысления уже на новом уровне, не бытовом, а философском.

На наш взгляд, применительно к поэзии Н. Нимбуева можно говорить о мифологическом коде бурятской культуры в связи с особенностями построения художественной образности, не только метафоризации, но и символизации. Такая особенность символизации, как акцентирование вещественного плана и предметного уровня символа в лирике Н. Нимбуева определяется, по нашему мнению, традициями бурятской поэзии, в которой предельно подчеркивается материальный план существования вещей для актуализации плана духовного. Конкретность и детальность в раскрытии материи проявляется и в том, что структурирование образов опирается не только на зрительно-слуховое восприятие, но и на осязательное, что подчеркивает еще раз вещественность. «Символ очень близок к метафоре, но он не есть метафора. И в символе, и в метафоре идея вещи и образ вещи пронизывают друг друга, и в этом их безусловное сходство. Но в метафоре нет того загадочного предмета, на который ее

¹³ Там же. С. 63

¹⁴ Нимбуев Н. Ш. Стреноженные молнии. Стихи. Переводы. Проза. Нимбуев. – М.: Галерея «Ханхалаев», 2003. С. 6.

идейная образность только указывала бы как на нечто ей постороннее»¹⁵. Вещность же, будучи выраженной в конкретно-детализированной форме, становится противоположным полюсом «идеи вещи», сам же путь протекания информации от полюса к полюсу позволяет реализоваться множеству значений и дает бесконечное поле для интерпретации символа. Символическое мышление всегда предполагает наличие и связь между материальным планом явлений и идеальным началом «неявленного».

Для поэтического мышления Н. Нимбуева характерно не просто образное видение человеческих чувств, а их конкретная овещественность в деталях, во всей полноте материального существования. Явленная вещественность в символе может лишь только сигнализировать о сущности «неявленного», лишь давая общее направление для восприятия. Для анализа образной структуры, таким образом, важно понимание авторской направленности чувства – его внушения – суггестии в движении между семантическими оппозициями. «В кошаре родился ягненок. / Он был белоснежен / и так беззащитен, / что солнечный луч из прорехи на крыше / как нож полоснул по головке»¹⁶. Чудо рождения, удивление перед ним, хрупкость жизни раскрывается здесь образно, через подтекст, в котором скрываются единство и цельность восприятия (осязание – «как нож, полоснул» – зримо ощущаемого «луча»), благодаря сравнению осуществляется стяжение разных полюсов постигаемой предметности мира. Таким образом, сам образ ягненка приобретает символическое звучание.

В диссертации прослеживается путь движения поэтической мысли от материального к идеальному в символическом толковании поэтом образа сердца. Другое же направление, определяющее суггестивность символа, – движение от идеальных планов к реальному прослеживается в материализации бесплотного, таких тонких явлений, как дыхание и звук через овеществление. Так, дыхание человека обретает «материальность» и явленную сущность в таких образах, как «розы белые на устах»¹⁷, «выползло наружу болезненной кроткой голубкой, царапая хрупкими крыльями»¹⁸. «Овеществление» звука прослеживается в символическом образе слова как «румяного краснощекоего яблока», звуки человеческой речи (слуховые образы) приобретают у Н. Нимбуева такую характеристику,

¹⁵ Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. С. 153.

¹⁶ Нимбуев Н. Ш. Стреноженные молнии. Стихи. Переводы. Проза. Нимбуев. М.: Галерея «Ханхалаев», 2003. С. 175.

¹⁷ Там же. С. 11.

¹⁸ Там же. С. 94.

как запах, осязание и цвет: «их речь скупая - аромат сандала, цветущего раз в десять лет»¹⁹, «и речь моя русская пахнет внезапно полынною степью, звездой, табунами, скрипучим седлом...»²⁰, «голос, / атласный, гортанный, / словно гарцующая / на цыпочках сабля»²¹, «фейерверк серебряных аккордов»²², «фейерверк гулких горошин копытного цокота»²³. Звуки у Н. Нимбуева могут раскрываться также через кинетику. Интуитивное ощущение единства чувственно-осязательного, ментального уровней духовной жизни человека, реализуясь через синтез различных видов восприятия, создает цельный образ.

Специфика бурятской поэзии определяется поэтикой подтекста, создаваемого всей системой художественных средств. В нем реализуется символическое мышление, детерминируемое на мифологическом уровне, идея единства мира и вселенной утверждается за счет сближения оппозиций, стяжения их в одно целое. Логика сопрягающего художественного мышления определяет своеобразие мифопоэтической модели мира в бурятской лирике, отличающейся философичностью взгляда. Выражение «своего национального лица» в творчестве Н. Нимбуева осуществляется на русском языке, на стыке двух культур, преодолевая границы, которых не существует для подлинного искусства.

Творчество Баира Дугарова (род. в 1947 г.) также сохраняет преемственность национальных художественных традиций. Начало творческого пути поэта приходится на 80-е годы XX века, сборники поэтических произведений выходят в свет и в 10-е годы XXI века. Путь художественных поисков автора отражает меняющееся социокультурное пространство, в нем обозначено сознательное обращение к традициям бурятской культуры. Многие образы и мотивы поэзии Б. Дугарова – отражение культурной памяти. Так, например, связанная с идиллическим ощущением жизни фигура поэта как певца выразилась в осознании преемственности: «и песнь моя – счастливый перевод / С лесного языка на человеческий...»²⁴; «и с клокочущим бубном в руке / ясновидец – лицом к

¹⁹ Там же, с. 51.

²⁰ Там же, с. 79.

²¹ Там же. С. 47.

²² Там же. С. 36.

²³ Там же. С. 127.

²⁴ Дугаров Б. С. Дикая акация: стихи. – М.: Современник, 1980. – с. 61.

поднебесью – / на гортанном степном языке / пел мою золотую прापесню»²⁵.

Трансформацию в творчестве Б. Дугарова претерпевает идиллический хронотоп бурятской поэзии, что связано с освоением пространства города, философским осознанием цивилизационных процессов. В ранней лирике поэта взаимоотношения природы и цивилизации осознаются противоречивыми, что выразилось в выстраивании антитезы природных и городских образов, в последующие периоды творчества вырабатывается позиция притяжения города на основе архетипического ощущения дома. Образ «юрты на небоскребе» – попытка совместить в рамках понятия дом два топоса, выражающих прошлое и современность. Символическим образом города для поэта становится асфальт, сковывающий живую землю, которому противопоставляется трава перекаати-поле. В названиях «Дикая акация», «Городские облака» – попытка совместить два разных начала (природу и город) воедино. Художественные поиски ведут поэта к созданию образа дома как городской квартиры с пограничем окна, балкона, обозначившим позицию наблюдателя. Мифологическая оппозиция своего и чужого, степи и города, оформившаяся в бурятской поэзии, в лирике Б. Дугарова претерпевает трансформацию.

В творчестве Б. Дугарова этнопоэтическая константой становится путь как преодоление пространства в буквальном смысле, и границ между культурами в символическом: «Притаился во мне удивленный Восток, / Через Запад себя познаю понемногу»²⁶. В жанровом отношении поэзии Б. Дугарова отражает совмещение различных тенденций, лирическое «я», оформленное в жанре европейского сонета, сохраняется и в краткостициях, обозначивших генетическое стремление поэта к восточной художественной традиции. Лирический герой Б. Дугарова – путешественник в реальном мире, что отражается в образах самых различных городов в его лирике. В то же время это кочевник духа, странствующий по различным временам и культурам, большое место в творчестве поэта занимает текст мировой культуры, прослеживается обращение к мифологемам разных народов.

Обращением к «первоистокам» и «памятью искусства» стала в творчестве поэта анафора. В бурятской поэтической культуре единоначалие или аллитерационное стихосложение – *толгой холболго* (буквально – соединение голов) может быть осмыслено в рамках мифопоэтической традиции. Поэт, для которого употребление анафоры принципиально важно для создания поэтического текста, исходит из мысли, что тождество и всеобщая связь сущего даны изначально. В традициях бурятской поэзии, таким образом, поэт не изобретает, не

²⁵ Дугаров Б. С. Всадник: стихотворения. М.: Современник, 1989. – с. 65.

²⁶ Дугаров Б. С. Всадник: стихотворения. М.: Современник, 1989. С. 145.

устанавливает связи в окружающем мире, он исходит из представления о том, что они уже есть, он их вскрывает, что и выражается в начальном созвучии стихотворных строк.

В аллитерационном стихе при создании единоначального ряда происходит активизация ассоциативного поля слов, между которыми устанавливаются как логические, так и внелогические связи. Анафора в поэзии Б. Дугарова становится элементом особого культурного кода национальной культуры, обращением к традиции эпического сказывания, оформленного единоначалием. Так, в стихотворениях цикла «Протяжные гимны» употребление анафоры, выделенное дактилическим размером, выражает мифопоэтическую мысль об изначальном тождестве сущего, едином первоисточке мира; такая художественная философия воплощена и в содержании этих стихотворений, обращающихся к традициям, былым временам, истории разных стран и народов, к их мифам. Синтез различных культурных традиций определяет направление дальнейших художественных поисков в русскоязычной лирике бурят.

В заключении сформулированы основные итоги и результаты исследования, показавшего важную роль мифопоэтики в становлении и развитии бурятской литературы.

Исследование отражает определенный этап развития бурятского литературоведения постсоветского периода и находится в русле работ, раскрывающих национальную специфику художественного слова. В диссертации представлен опыт прочтения текста национальной литературы через призму универсалий человеческой жизни, постижение в нем мифа. Систематизация и обобщение мифологических мотивов, образов, символов, выявление закономерностей в их функционировании позволили создать целостную картину развития национальной литературы.

В первой главе дано теоретико-методологическое обоснование исследования. Во второй главе определена важная роль развитой традиции эпического слова в развитии литературы в свете мифопоэтики. Связь эпической традиции и мифологизма в бурятской литературе обосновывается сохранностью родового сознания у бурят вплоть до новейшего времени. Представление о ценностях коллективного бытия определяет особенности формирования художественной философии авторов вслед за инерцией народнопоэтического слова. Находящееся в основе эпического мирозерцания представление о неизменности и устойчивости бытия в бурятской традиции непосредственно связывается с понятиями о сакральном, что выражается на уровне поэтики. Так, в художественном осмыслении исторических личностей сыграли свою роль законы мифологического сюжетосложения, определяя высокие модусы героического и трагического в процессе легендарной сакрализации героев, гибель которых осознана как жертва для всеобщего блага. Литература отражает также процессы разрушения родового сознания, формирования исторического мышления, когда происходит переосмысление традиции,

что прослеживается в освоении новых жанров. В жанрах эпической драмы («Бальжан хатан» Д. Эрдынеева) и поэмы («Шэлдэй занги» Н. Дамдинова) авторами сохранена традиционная фигура *улигершина* – сказителя, структура определяет заданное отношение к героям – их почитание и идеализацию. В жанрах романа («Десятый рабджун» В. Гармаева) и лирического произведения («Песня Шоно батара» Д. Улзытуева) образ легендарной исторической личности приобретает дополнительные коннотации, намечается отход от идеализации. Логика же «ощельняющего» мифоэпического и циклического мифологического мышления проявляется в мотиве вечного возвращения, который выявляется в художественных интерпретациях истории легендарных героев, в сюжете охотничьих рассказов, в структуре лирических произведений бурятской литературы. Роль ритуала в сохранении и воссоздании мифосознания бурят выявляется также в эпических и в лирических произведениях. Связь мифа и «шаманского сюжета» в бурятском русскоязычном романе реализуется у писателей в мифологизировании как сознательном обращении к национальной традиции.

Бурятская литература, сохраняя в себе архаический мировоззренческий комплекс, создает особую этноэкологическую парадигму представлений о природе, основываясь на мысли об особой степени родства человека и его слитности с окружающим миром. Культовое отношение к природе и космосу, закрепленное в ритуалах и обрядах, символическое представление об устройстве вселенной определяет мифопоэтику лирических произведений, находится у истоков формирования философской лирики.

В диссертации рассматривается функционирование идиллического хронотопа в бурятской поэзии. Идея всеединства, имеющая в бурятской культуре, мифологические истоки, реализуется как в традиционных символах, так и в индивидуально-авторских метафорах. Символизация и метафоризация на самых разных уровнях определяют художественную специфику бурятской поэзии. Антропоморфизм как художественный принцип в бурятской поэзии связан с особенностями языковой картины мира. Традиции бурятской лирики в творчестве русскоязычных авторов определяются на уровне поэтики в принципах построения образности, в обращении к художественным средствам. Образ певца-сказителя – *ульгэриэн, дуушан*, воспевающего красоту, гармонию и цельность бытия, становится традиционным для бурятской лирики при осознании своего поэтического призвания, при осмыслении роли поэта и его творчества, он обнаруживается и в лирике русскоязычных авторов. Эта фигура обозначила устремленность поэтического взгляда вовне, созерцательность – традиционные черты, обусловившие большое значение подтекста. На рубеже XX-XXI веков обозначаются новые тенденции, намечается путь от идиллии родовой жизни к осознанию и принятию собственного пути, индивидуальности своей судьбы, путь рефлексии, самоанализа реализуется

в формировании буддийских мотивов философской лирики, в которой исчезает фигура певца.

Мировоззренческие и эстетические поиски бурятских художников идут в притяжении и отталкивании от традиций, от идиллической замкнутости к преодолению границ, на новом уровне возрождая потенциал мифопоэтического начала.

В диссертационном исследовании мифопоэтики национальной литературы отразились теоретические и методологические поиски современного бурятского литературоведения, данное направление представляется перспективным для дальнейших исследований.

**Основное содержание диссертации
изложено в следующих публикациях:**

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК

1. Фролова, И. В. (Булгутова, И. В.) Национальные образы в лирике Н. Нимбуева [Текст] / И. В. Фролова (И. В. Булгутова) // Вестник Бурят. госуниверситета. Сер. Филология. – 2010. - № 10. – С. 29-32 (0,5 п. л.)
2. Фролова, И. В. (Булгутова, И. В.) Мифопоэтическая основа образов небесных светил в лирике Б. Сыренова [Текст] / И. В. Фролова (И. В. Булгутова) // Вестник Бурят. госуниверситета. Сер. Филология. – 2011. - № 10. – С. 30-34 (0,6 п. л.)
3. Фролова, И. В. (Булгутова, И. В.) Поэтика краткостиший в бурятской поэзии. [Текст] / И. В. Фролова (И. В. Булгутова) // Мир науки, культуры, образования. - № 2 (33) апрель. - Горноалтайск, 2012, С. 305-307 (0,7 п. л.)
4. Фролова, И. В. (Булгутова, И. В.), Санжиева, Т. Е. Мифологизация истории в бурятской литературе (на примере произведений о Шоно-багоре) [Текст] / И. В. Фролова (И. В. Булгутова) // Вестник Бурят. госуниверситета. Сер. Филология. – 2012. – Спецвыпуск – С. 251-255 (0,9 п. л.)
5. Булгутова, И. В. Философия времени в краткостиших Б. Сыренова [Текст] / И. В. Булгутова. // Вестник Бурят. госуниверситета, Серия Филология. - 2012. - № 10. – С. 25-29 (0,7 п. л.)
6. Булгутова, И. В. Структура поэтического образа в поэзии Н. Нимбуева: особенности символизации и метафоризации [Текст] / И. В. Булгутова // Вестник Бурят. госуниверситета, Серия Филология. - 2013. - № 10. – С. 15-19 (0,7 п. л.)
7. Булгутова, И. В. Антропоморфизм как натурфилософский принцип в бурятской поэзии [Текст] / И. В. Булгутова // Вестник Бурят. госуниверситета, Серия Филология. - 2014. - № 10 (1). – С. 30-34 (0,7 п. л.)
8. Булгутова, И. В. Синтез традиций Востока и Запада в анафорическом стихе Б. Дугарова [Текст] / И. В. Булгутова // Вестник Бурят. госуниверситета, Серия Филология. - 2014. - № 10 (3). – С. 22-26 (0,7 п. л.)
9. Булгутова, И. В. Верлибр в современной бурятской поэзии [Текст] / И. В. Булгутова // Вестник Бурят. госуниверситета, Серия Филология. - 2014. - № 10 (4). – С. 39-43 (0,6 п. л.)
10. Булгутова, И. В. Мифологический культ небесных первопредков в бурятской литературе [Текст] / И. В. Булгутова // Вестник Бурят. госуниверситета, Серия Филология. - 2015. - № 10. – С. 19-23 (0,7 п. л.)
11. Булгутова, И. В. Жанровые тенденции в лирике Р. Шоймарданова [Текст] / И. В. Булгутова // Вестник Бурят. госуниверситета, Серия Филология. - 2015. - № 10 (1). – С. 29-33 (0,7 п. л.)

12. Булгутова, И. В. Символика сна в бурятской лирике [Текст] / И. В. Булгутова // Вестник Бурят. госуниверситета, Серия Филология. - 2016. - № 10 (2). – С. 41-48 (0,8 п. л.)

13. Булгутова, И. В. Мифологические мотивы в философской лирике Д. Улзытуева [Текст] / И. В. Булгутова // Вестник Бурят. госуниверситета, Серия Филология. - 2016. - вып. 5. – С. 12-19 (0,8 п. л.)

14. Булгутова, И. В. Мифотворчество в лирике Г. Раднаевой [Текст] / И. В. Булгутова // Вестник Бурят. госуниверситета, Серия Филология. - 2017 - Вып. 6. – С. 151-157 (0,8 п. л.)

15. Булгутова, И. В. Мифопоэтика романа В. Гармаева «Копачи. В низовьях родовой реки» [Текст] / И. В. Булгутова // Вестник СВФУ. – 2018. - № 6 (68).- С. 107-117 (1 п. л.)

Монографии

16. Фролова, И. В. (Булгутова И. В.) Художественный мир Д. Батожабая. [Текст] / И. В. Фролова (И. В. Булгутова) Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2005. – 116 с. (5,5 п. л.)

17. Булгутова, И. В. Бурятская философская лирика: мифопоэтические основы и традиции. [Текст] И. В. Булгутова Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2017. – 178 с. (10,5 п. л.)

Учебные пособия

18. Булгутова, И. В. Литература народов России [Текст] / Л. Ц. Халхарова, И. В. Булгутова Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2015. – (10 п. л.)

19. Булгутова, И. В. Бурятская поэзия XX-XXI веков: поэтика мифа [Текст] / И. В. Булгутова, Л. Ц. Халхарова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2015. – (10 п. л.)

20. Булгутова, И. В. Литература народов Сибири в 2 ч. часть I. Бурятская проза, поэзия, драматургия. [Текст] / И. В. Булгутова, С. С. Имхелова, Л. С. Дампилова Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2018. – 166 с. (10 п. л.)

Прочие публикации

21. Фролова, И. В. (Булгутова, И. В.) Религиозно-мифологическая основа рассказов Б. Ябжанова [Текст] / И. В. Булгутова // Литература и религия: проблемы взаимодействия в общекультурном контексте: сборник науч. ст. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 1999. – С. 128-132 (0,3 п. л.)

22. Фролова, И. В. (Булгутова, И. В.) Изучение поэтики бурятского романа. [Текст] / И. В. Булгутова // Высшая школа: проблемы

преподавания словесности. Часть 1. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2003. - С. 86-90 (0,3 п. л.)

23. Фролова, И. В. (Булгутова, И. В.) Символ сердца в поэзии Н. Нимбуева. [Текст] / И. В. Булгутова // Материалы международной конференции "Россия-Азия". Улан – Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2005. - С. 191-194 (0,3 п. л.)

24. Фролова, И. В. (Булгутова, И. В.) Бурятская лирика: традиции и современность [Текст] / И. В. Булгутова // Бурятская литература в условиях социокультурного контекста. Материалы региональной научной конференции. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета 2006. -С. 122-126 (0,3 п.л.)

25. Фролова, И. В. (Булгутова, И. В.) Традиционные жанры японской поэзии в ином национально-культурном контексте [Текст] / И. В. Булгутова // Вестник Бурят. госуниверситета сер. Филология. - вып. 11. - Улан-Удэ, 2006. - С. 65-73 (0,7 п. л.)

26. Фролова, И. В. (Булгутова, И. В.) Музыка как образ лирики Н. Нимбуева [Текст] / И. В. Булгутова // Актуальные проблемы монголоведения. Санжеевские чтения. - Улан-Удэ: Изд-во ИМБИТ СО РАН, 2006. – С. 163-165. (0,3 п. л.)

27. Фролова, И. В. (Булгутова, И. В.) Мифологический подтекст поэзии Н. Нимбуева [Текст] / И. В. Булгутова // Проблемы становления и развития национального самосознания: вып. 3. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2007. - С. 154-159 (0,5 п. л.)

28. Фролова, И. В. (Булгутова, И. В.) Концепция природного мира в творчестве Б. Ябжанова [Текст] / И. В. Булгутова // Баяртуевские чтения-1. Мир бурятских традиций в контексте истории и современности Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2008. – С. 161-163 (0,3 п. л.)

29. Фролова, И. В. (Булгутова, И. В.) Образный ряд поэзии Н. Нимбуева и его национальная специфика [Текст] / И. В. Булгутова // Евразийский фронт: концепт «национальное» в русском, монгольском и бурятском языках и литературах. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2009. – С. 22-27 (0,5 п. л.)

30. Фролова, И. В. (Булгутова, И. В.) Принципы восточной поэтики в творчестве Б. Сыренова [Текст] / И. В. Булгутова // Восточное общество: Проблемы стандартизации, тенденции и перспективы в образовательном пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона. Материалы международной научно-практической конференции. 23-27 июля 2010. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2010, - С. 95-99 (0,6 п. л.)

31. Фролова, И. В. (Булгутова, И. В.) Мотив братства в лирике Д. Улзытуева [Текст] / И. В. Булгутова // Этно: Литературоведение и литературное образование, перспективы и приоритеты. Региональный научный симпозиум с международным участием, посвященный 75-летию С.Ж. Балданова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2010. - С. 281-283 (0,3 п. л.)

32. Фролова, И. В. (Булгутова, И. В.) Городские мотивы в бурятской поэзии [Текст] / И. В. Булгутова // Евразийский фронтир: концепт «национальное» в русском, монгольском, китайском и бурятском языках и литературах. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2011. - С. 61-67 (0,5 п. л.)

33. Фролова, И. В. (Булгутова, И. В.) Мифология космоса в бурятской лирике [Текст] / И. В. Булгутова // Вестник Бурят. госуниверситета. Язык. Литература. Культура. Вып. 1. Улан-Удэ, 2013. - С. 153-160 (0,8 п. л.)

34. Булгутова, И. В. Мифопоэтика охотничьих рассказов бурятских писателей: к проблеме тотемистических воззрений [Текст] / И. В. Булгутова // Монголын утга соёлын Унэлэмжид Д. Равжаа судлалын эзлэх байр. Улаанбаатар, 2013. – С. 278-284 (0,6 п. л.)

35. Булгутова, И. В. Роль литературы в экологическом образовании и воспитании (на примере творчества писателей литературного объединения имени Мунко Саридака) [Текст] / И. В. Булгутова // Активный туризм в Байкальском регионе: история, реальность и перспективы. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013, с. 52-55 (0,3 п. л.)

36. Булгутова, И. В. Жанровые традиции Запада и Востока в бурятской поэзии XX века [Текст] / И. В. Булгутова // Проблемы и перспективы сотрудничества стран в евразийском пространстве: материалы междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. университета, 2014. – С. 160-161 (0, 4 п. л.)

37. Булгутова, И. В. Анафора в лирике Б. Дугарова [Текст] / И. В. Булгутова // Литература монголоязычных народов в современном социокультурном пространстве: Баяртуевские чтения - III. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. университета, 2014. – с. 19-23 (0,6 п. л.)

38. Булгутова, И. В. Буддийские мотивы и образы в лирике Д.-Р. Дамбаева [Текст] / И. В. Булгутова // Евразийский фронтир - 2014: литература и религия в диалоге культур. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. университета, 2014. – с. 77-79 (0,3 п. л.)

39. Булгутова, И. В. Синтез поэтических жанров Востока и Запада в литературе Бурятии [Текст] / И. В. Булгутова // Русская литература XX-XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения). Москва: Изд-во МГУ, 2014. – С. 88-90 (0,3 п. л.)

40. Булгутова, И. В. Миф и мифосознание в преданиях и произведениях о Шэлдэй занги [Текст] / И. В. Булгутова // Байкал, 2015, №1. – с. 137-141 (0,8 п. л.)

41. Булгутова, И. В. Жанр песни в лирике Д. Улзытуева [Текст] / И. В. Булгутова // Мир фольклора в контексте истории и культуры монгольских народов: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Н. О. Шаракшиновой. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. (0,3 п. л.)

42. Булгутова, И. В. Анафора в русскоязычной поэзии бурят в контексте национальных художественных традиций [Текст] / И. В. Булгутова // Русская литература XX-XXI веков как единый процесс

(проблемы теории и методологии изучения). Москва: Изд-во МГУ, 2016. – С. 91-95 (0,3 п. л.)

43. Булгутова, И. В. Краткостишия в лирике Б. Дугарова [Текст] / И. В. Булгутова // Русский язык и литература в образовательном пространстве Азиатского региона. - Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2017. - с.197-200. (0,3)

44. Булгутова, И. В. Мифопоэтика сюжета об охоте в бурятской литературе [Текст] / И. В. Булгутова // Сюжетология и сюжетография. 2016. - Вып. 1. – С. 119-125 (0,9 п. л.)

45. Булгутова, И. В. Буддизм в диалоге культур Востока и Запада [Текст] / И. В. Булгутова // Государство, общество и церковь: укрепление межнационального и межрелигиозного согласия, развитие и совершенствование механизмов взаимодействия. – Новосибирск, 2016. – С. 152-155 (0,3 п. л.)

46. Булгутова, И. В. Мотив возвращения в прозе Б. Ябжанова [Текст] / И. В. Булгутова // Сюжетология и сюжетография. 2017. - Вып. 2. – с. 108-115 (0,8 п. л.)

47. Булгутова, И. В. Ценностная картина мира в лирике Ж. Юбухаева [Текст] / И. В. Булгутова // Язык-культура, мышление-познание. Интегративные исследования. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2018. – С. 194-198 (0,3 п. л.)

48. Булгутова, И. В. «Эвенкийский текст» в бурятской литературе: диалог и взаимодействие культур [Текст] / И. В. Булгутова // Вестник Бурятского государственного университета - 2018. № 2, Т. 3. – С. 41-44 (0,3 п. л.)

49. Булгутова, И. В. Поэтика повести Б. Ябжанова «Беды и радости мои» [Текст] / И. В. Булгутова // Найдаковские чтения-4. Тюрко-монгольский мир. Гуманитарные исследования. Улан-Удэ: Изд-во ИМБИТ СО РАН, 2018. – С. 185-187 (0,3 п. л.)

50. Булгутова, И. В. Поэтика повествования в романе В. Бараева «Улигер о детстве» [Текст] / И. В. Булгутова // Русская литература XX-XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения). Москва: Изд-во МГУ, 2018. – С. 108-112 (0,3 п. л.)